

Научная статья
DOI 10.19181/nko.2026.32.3.3
EDN GNTNKC
УДК 316.346.2

Н. М. Великая¹, М. Е. Родионова²

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Обе — Москва, Россия

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК АКТОРЫ ГЕНДЕРНОГО ДИСКУРСА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИИ И КАЗАХСТАНА (НА ПРИМЕРЕ РПЦ И ДУМК)

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу роли Русской православной церкви и Духовного управления мусульман Казахстана в формировании и трансформации гендерного дискурса в Российской Федерации и Республике Казахстан. В центре исследования находится вопрос о том, каким образом религиозные институты участвуют в производстве, закреплении и легитимации представлений о семье, браке, материнстве, мужской ответственности и женской социальной роли. Исследовательская проблема связана с расхождением между формальным признанием равенства, заметным участием женщин в образовании и занятости и устойчивым воспроизводством семейно-ориентированных нормативных ролей. Основным методом исследования — критический дискурс-анализ публичных выступлений религиозных деятелей, официальных документов и их медийных репрезентаций 2016–2026 гг. Кодирование проводилось по фреймам семьи, материнства, мужских и женских социальных ролей, репродуктивных прав и традиционных ценностей. Выявлено, что в России Русская православная церковь действует в условиях государственной поддержки идеологии традиционных духовно-нравственных ценностей, тогда как в Казахстане Духовное управление мусульман Казахстана и исламские авторитеты влияют на гендерные нормы преимущественно через культурную, семейную и национальную традицию. Делается вывод, что религиозные организации выполняют двойственную функцию: с одной стороны, поддерживают традиционалистские представления и ограничивают расширение гендерной повестки, с другой, выступают механизмом социальной стабилизации и адаптации модернизационных изменений.

Ключевые слова: гендерный дискурс; религиозные организации; гендерный порядок; Россия; Казахстан; Русская православная церковь; Духовное управление мусульман Казахстана; традиционные ценности

Для цитирования: Великая Н. М., Родионова М. Е. Религиозные организации как акторы гендерного дискурса: сравнительный анализ России и Казахстана (на примере РПЦ и ДУМК) // Наука. Культура. Общество. 2026. Т. 32, № 3. С. 41–60. DOI 10.19181/nko.2026.32.3.3. EDN GNTNKC.

Введение. Подписание 189 странами Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. и принятие ими обязательства следовать закреплённым в ней принципам позволили добиться значительных успехов в достижении гендерного равенства¹. Однако попытки ограничения

¹ Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин: принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи ООН от 18.12.1979 // Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. URL: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/convention-elimination-all-forms-discrimination-against-women> (дата обращения: 06.07.2026).

© Великая Н. М., Родионова М. Е., 2026

уже завоёванных прав женщин предпринимались с известной регулярностью в самых разных странах, а современная гендерная политика остаётся полем идеологической борьбы между сторонниками различных, если не противоположных взглядов на сущность взаимоотношений между полами, на роль женщины в современном обществе, на политику государства по обеспечению прав женщин. При этом нормы, ценности и социальные практики гендерных взаимодействий постоянно подвергаются пересмотру, что дало основание известной исследовательнице А. Графф поставить вопрос о «войне гендера» (*war of gender*) [1]. Особенно ярко это проявляется в публичном дискурсе, который становится полем гендерных конфликтов, в которые вовлекаются самые разные социальные акторы: от политических партий и движений до сетевых сообществ и религиозных организаций. Особый интерес представляют последние, поскольку являются носителями традиционалистских ценностей, столь востребованных в обществах, которые находятся в процессе поиска собственной идентичности.

В современных постсоветских обществах религия сохраняет значение как институт символического регулирования общественных отношений, влияющий не только на социальные практики и нормы, но и на язык политики и процесс принятия политических решений. После распада СССР, сопровождавшегося переоценкой советского секулярного наследия, религиозные организации в России и Республике Казахстан постепенно вернулись в публичное пространство, принимая активное участие в обсуждении вопросов семьи и брака, материнства и воспитания, нравственности и образования, демографической и семейной политики, социальной ответственности. Именно религиозные организации активно ретранслируют устойчивые представления о «правильной» женственности, материнстве, супружестве и общественной активности [2].

Религиозный ландшафт России и Казахстана конфессионально неоднороден и включает православные, мусульманские и иные зарегистрированные религиозные объединения. В настоящем исследовании в качестве сопоставимых кейсов выбраны Русская православная церковь (РПЦ) и Духовное управление мусульман Казахстана (ДУМК): это крупнейшие и наиболее институционализированные религиозные организации соответствующих стран, располагающие устойчивыми каналами публичной коммуникации и взаимодействия с государственными институтами, а также значительным ресурсом влияния на дискурс о семье и гендерных ролях.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении особенностей конструирования гендерного дискурса РПЦ и ДУМК, а также в определении того, как их влияние соотносится с государственной гендерной, семейной, социальной и демографической политикой. Мы сравниваем российский и казахстанский кейсы в рамках метода анализа похожих случаев. Сравнение обосновано, во-первых, общим советским прошлым, поскольку советский опыт существенно изменил гендерные роли и секулярные основания общественной жизни, и, во-вторых, схожей динамикой постсоциалистических трансформаций [3]. Вместе с тем траектории развития режимов и культурные контексты формируют различную среду для разворачивания общественного дискурса о женщинах.

Используя сравнительный анализ, мы фокусируемся на том, как язык гендерного равенства сосуществует с традиционалистскими государственными нарративами. Отметим, что, по мнению ряда учёных, религиозный контекст является серьёзным препятствием на пути к гендерному равенству [4; 5]. Как выявили Инглхарт и Норрис, уровень религиозности связан с более консер-

вативными, патриархальными взглядами во всех областях жизни вне зависимости от вероисповедания [6]. При этом ислам чаще выступает стабильным предиктором поддержки патриархальных ценностей, что проявляется в разных социальных условиях. Вместе с тем другие учёные подчёркивают, что влияние ислама как такового на формирование патриархальных норм сильно преувеличено [7]. Представление о женщинах в исламе как об угнетённых и не имеющих прав людей серьёзно устарело: во многих странах, включая Тунис и Марокко, расширение экономического участия женщин сопровождается структурными изменениями и увеличением их представительства в парламентах [8]. В связи с этим мы предлагаем сравнить дискурсивные стратегии представителей РПЦ в России и ДУМК в Казахстане.

Теоретико-методологические основания изучения проблемы и методы исследования. На постсоветском пространстве статус гендерных вопросов в публичной сфере менялся в зависимости от политической ситуации, сначала они стали центральным пунктом общественных дебатов, а затем были оттеснены на периферию общественного дискурса. Мы разделяем мнение, что каждая социальная эпоха имеет свой собственный социальный порядок и своё гендерное выражение. В рамках данного подхода новый гендерный порядок рассматривается как результат социогендерных транзаций, затрагивающих институциональные и ценностные основания общественных отношений [9].

Более того, в разных странах гендерный порядок определяется достигнутым уровнем экономического и социального развития, исторической памятью, моральными установками нации, а также её культурным и ценностным кодексом, что отражено в политическом дискурсе [10]. Сопоставление страновых гендерных ландшафтов позволяет учитывать асимметрии и социальные риски, возникающие при взаимодействии глобальных норм и национальных культурных контекстов [11].

Следуя традиции феминистской социологии и интерсекционального подхода, мы рассматриваем гендер как сложную систему норм, ожиданий, телесных практик, языковых обозначений и институциональных предписаний. Эта система воспроизводится через семью, образование, государственную политику, религиозные организации, рынок труда, медийную среду и повседневную коммуникацию, что неизбежно разворачивает дискурс в плоскость оценивания иерархичности позиций мужчин и женщин, несправедливости распределения ресурсов и различий в социальных практиках. Гендерный дискурс в этом случае становится производным религиозных, культурных, правовых, демографических и социально-экономических факторов, действующих одновременно и создающих разные модели ограничения либо признания женской субъектности [12; 13; 14]. Нас интересует, как женские права и возможности отражены в дискурсе влиятельных представителей религиозных организаций и других лидеров мнений, ассоциированных с ними.

Религия в этом контексте рассматривается как социальный институт, участвующий в производстве норм, ценностей, символических границ и представлений о должном порядке общественной жизни, оперирующий моральными смыслами, объясняющий социальные роли через категории долга, ответственности, достоинства, греха, добродетели, служения и семейной гармонии. Именно эта способность придавать социальным отношениям нравственное обоснование делает религию значимым фактором гендерного дискурса. Как показано

в работе С. Бекер и др., религиозные учения и практики часто укрепляют традиционные гендерные роли, влияя на образование, занятость и решения о рождаемости, однако авторы одновременно фиксируют контекстуальные различия и исключения, связанные с конкретными конфессиями, социальными условиями и направлениями религиозных реформ [15].

В любом случае выбранный формат гендерного дискурса в состоянии как снизить напряжённость неравных гендерных отношений, так и сформировать гендерную асимметрию, маскируя дискриминацию под различие [16], что особенно ярко проявляется в обществах переходного типа, где определённый «гендерный порядок» находится в трансформации.

Наша исследовательская стратегия предполагает выделение идеологических элементов, артикулированных религиозными акторами в официальных документах, заявлениях, публичных текстах и выступлениях, а также выявление доминирующих текстовых фреймов, связанных с правами женщин и выраженных в риторических практиках.

Источниковая база исследования включает около 50 текстовых единиц, зафиксированных в списке литературы и подстрочных сносках; дублирующие позиции при подсчёте исключались. Основной эмпирический корпус составили опубликованные в 2016–2026 гг. официальные документы, заявления и публичные выступления представителей РПЦ и ДУМК, материалы официальных сайтов Patriarchia.ru и Muftyat.kz, а также публикации российских и казахстанских СМИ, дословно воспроизводящие высказывания религиозных деятелей (в частности, RTVI, Lenta.ru, «Москвич Mag», Informburo.kz и др.). Материалы, опубликованные до 2016 г., использовались только для реконструкции нормативного и теоретического контекста и не включались в основной временной массив.

Поиск и отбор проводились по сочетаниям названий организаций и имён религиозных деятелей с ключевыми словами «семья», «брак», «материнство», «отцовство», «роль женщины», «гендер», «аборт», «ЭКО», «суррогатное материнство», «традиционные ценности», «хиджаб», «никаб», «многожёнство» и «брак по принуждению». В корпус включались материалы, содержащие прямое высказывание представителя религиозной организации либо его дословное воспроизведение; дубли, краткие пересказы без цитат и публикации, не относящиеся к гендерной и семейной проблематике, исключались. Самостоятельный массив Telegram-каналов и YouTube-проповедей не формировался; материалы социальных сетей и цифровых проповедей учитывались только при наличии проверяемой первичной ссылки либо точной атрибуции в научной публикации.

Единицей анализа служил смысловой фрагмент. Кодировались фреймы семьи и брака, материнства, женской и мужской социальных ролей, репродуктивного выбора, равенства, традиции и национальной идентичности. Критический дискурс-анализ использовался для выявления оценочных противопоставлений и способов нормализации гендерных ролей. Процедура включала три этапа: фиксацию прямых определений и оценочных противопоставлений; выделение способов легитимации через право, священную традицию, демографию, культурную преемственность и социальную практику; межстрановое сопоставление конфигураций фреймов и способов легитимации с учётом типа источника.

Гендерная политика в России и Казахстане: нормы, практики и социально-экономические ограничения. Как в РФ, так и в РК равенство мужчин и женщин закреплено в Конституции, признаётся участие женщин в экономиче-

ской, образовательной, профессиональной и общественной жизни, а государственные документы включают положения, связанные с защитой семьи, материнства, детства и расширением социальных возможностей женщин. Вместе с тем правовое признание равенства не устраняет структурных ограничений, проявляющихся в политическом представительстве, уровне доступа к руководящим позициям, различиях в доходах и символическом восприятии женщины прежде всего через её семейную и репродуктивную функцию [17, с. 40–56; 18].

Согласно докладу Всемирного экономического форума об индексе глобального гендерного разрыва, который оценивается по экономическому участию, образовательным возможностям, здоровью и политическому влиянию [19], Россия в докладе 2025 г. не представлена среди 148 экономик текущего рейтинга, что не позволяет провести прямое сопоставление; Казахстан занимает 92-е место. По показателю Всемирного банка об участии в рабочей силе населения 15–64 лет в 2025 г. доля женщин составляет 71,9% в России и 73,3% в Казахстане, мужчин — 80,6% и 80,7% соответственно; гендерный разрыв составляет 8,7 и 7,4 п.п.²

Показательно, что и в России, и в Казахстане женщины имеют высокий уровень образования и занятости, широко представлены в системе образования, социальной сфере, здравоохранении и отдельных сегментах управления. Однако на уровне парламентского участия, высшей исполнительной власти и стратегического политического руководства сохраняется выраженный дисбаланс: в 2024 г. доля женщин в национальных парламентах составляла 16,4% в России и 19,4% в Казахстане (см. рис. 1). Отдельно гендерные изменения фиксируются и в составе советов директоров компаний [20]³.

Рисунок 1. Динамика представительства женщин в парламентах России и Казахстана в 2000–2024 гг.

² Labor force participation rate, total (% of total population ages 15–64) (modeled ILO estimate) // World Bank. Gender Data Portal. URL: <https://genderdata.worldbank.org/en/indicator/sl-tlf-acti-zs?age=15-64&gender=gender-gap> (accessed: 06.07.2026).

³ Women in Politics: 2026: map // Inter-Parliamentary Union; UN Women. URL: <https://www.ipu.org/file/23158/download>; Женщины и мужчины России. 2024: стат. сб. / Росстат. Москва, 2024. 176 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Wum_Man_2024.pdf; Women and Men of Kazakhstan. 2019–2023: Statistical Compilation / Bureau of National Statistics. Astana, 2024. 106 p. URL: <https://stat.gov.kz/upload/iblock/6b4/e2spyxsnfjyld3ovbpyca056e0ey3cq/C-11-Г%20%28англ%29.pdf> (дата обращения: 06.07.2026).

Отсутствие гендерных квот, высокая персонализация политики и преобладание традиционалистской риторики приводят к тому, что женское политическое участие в РФ оказывается зависимым не только от профессиональных ресурсов, но и от символических ожиданий, предписывающих женщине прежде всего семейно-ориентированную роль. Казахстан, напротив, в настоящее время использует элементы квотирования и демонстрирует большую готовность к институциональному оформлению женского представительства, однако и здесь квотные механизмы не устраняют глубинного разрыва между присутствием женщин в публичной системе и их реальным влиянием на принятие решений [21]. На выборах 2023 г. женщины делили 30-процентную квоту с молодёжью и лицами с инвалидностью, в результате чего их представительство в парламенте сократилось⁴.

Наши исследования подтверждают тот факт, что гендерная политика определяется общим направлением эволюции политических режимов [10]. Расхождения, пусть и незначительные, траекторий постсоветских трансформаций в России и Казахстане имели следствием различные модели гендерной политики. Если в России наблюдалась активизация женских движений самого разного толка (от радикальных феминистских до радикально традиционалистских), расширение практик политического участия женщин (вплоть до создания женской политической партии, участвовавшей в выборах)⁵, всплеск интереса научного сообщества к гендерным исследованиям, то в Казахстане в 1990-е — начале 2000-х гг. больший вес имели как раз организации традиционалистского плана, ассоциированные с религиозными организациями и движениями, что, однако, не исключало и других форматов женского активизма.

При этом на государственном уровне значимых решений, способствующих гендерному равенству, не принималось ни в России, ни в Казахстане. Со второго десятилетия XXI в. курс на поддержку традиционных ценностей в России сократил возможности деятельности именно феминистических организаций, часть из которых позднее столкнулась с правовыми и институциональными ограничениями. Напротив, деятельность организаций, продвигающих основные идеи государственной семейной и демографической политики с курсом на многодетность, поддерживается.

В Казахстане же реформы, запущенные президентом Токаевым и декларирующие курс на модернизацию, привели к критической оценке в публичном пространстве деятельности ряда религиозных организаций и сформировали легальную среду для структур, в большей степени ориентированных на международную повестку обеспечения гендерного равенства.

Тем не менее гендерный порядок в анализируемых странах определяется сложившимся консервативным консенсусом. При этом в России обращает на себя внимание идеологическая артикулированность проблем гендерного поля. Казахстанская модель демонстрирует баланс между модернизационной риторикой и традиционалистскими ожиданиями: государство декларирует привержен-

⁴ Kazakhstan, Mazhilis: Data on women // IPU Parline. Quota: at least 30% of party-list candidates collectively women, youth under 35 and persons with disabilities; amendment effective 01.01.2023. URL: <https://data.ipu.org/parliament/KZ/KZ-LC01/data-on-women> (дата обращения: 06.07.2026).

⁵ Политическая партия «Женщины России» по итогам парламентских выборов 1993 г. сформировала полноценную фракцию в Государственной Думе ФС РФ.

ность международным стандартам гендерного равенства, развивает программы по противодействию насилию и поддержке женского лидерства, но одновременно ограничивает политизацию феминистской повестки и оставляет неизменным патриархальный каркас семейного уклада [21]. Сходные противоречия отмечаются и в исследованиях гендерного измерения интеграционных процессов на постсоветском пространстве [22].

Если женщина в публичном дискурсе описывается прежде всего через материнство и семью, экономическая и политическая активность начинает восприниматься как вторичная по отношению к домашней сфере, даже при отсутствии прямых правовых ограничений. Такая модель не обязательно исключает женскую занятость, но задаёт ей особый режим оправдания: женщина может работать, развивать бизнес, строить карьеру, заниматься политикой, если эти формы активности совместимы с материнской и семейной функцией. Социальная политика и в России, и в Казахстане поддерживает женщин именно как матерей, работниц с семейными обязанностями, а центральным основанием государственной заботы оказывается её вклад в семью, рождение детей и поддержание демографической стабильности, но не её автономия. Так, Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 годы фиксирует необходимость расширения возможностей женщин, повышения их экономической самостоятельности, участия в общественной жизни и защиты от неблагоприятных социальных факторов. Однако основной фокус направлен на поддержку семьи, материнства, детства, демографии и социальной устойчивости, что в дискурсивных практиках сопровождается возложением на женщину семейно-демографической ответственности⁶.

В Казахстане Концепция семейной и гендерной политики до 2030 года задаёт комплексную рамку, объединяющую вопросы равных прав, семейного благополучия, участия женщин в общественной жизни, защиты детей, ответственного родительства и расширения социальных условий для совмещения профессиональной занятости с семейными обязанностями. При этом казахстанская модель не противопоставляет гендерную политику семейной, а соединяет их в одном документе, создавая гибридную конструкцию, в которой равенство понимается через модернизацию общественных институтов, но одновременно поддерживается в границах значимости семьи как базовой социальной ценности⁷.

В итоге гендерная политика России и Казахстана обнаруживает сходную амбивалентность: женщина признаётся юридически равноправной, социально активной и экономически значимой, однако её публичная роль продолжает оцениваться через семейно-нормативную призму, а религиозные организации легитимируют этот подход. Государственные документы используют сходный словарь, хотя смысловые конструкции различаются: российская стратегия связывает самостоятельность женщин с демографией, а казахстанская концепция объединяет семейную и гендерную повестку в рамках модернизации социальных институтов (табл. 1).

⁶ Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 годы: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.12.2022 № 4356-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/ilHtVCkhsBAE9DAfID3Akpd787xAOc4.pdf> (дата обращения: 06.07.2026).

⁷ Об утверждении Концепции семейной и гендерной политики в Республике Казахстан до 2030 года: Указ Президента Республики Казахстан от 06.12.2016 № 384. URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/kaz192054.pdf> (дата обращения: 06.07.2026).

Таблица 1

Государственные рамки гендерной и семейной политики

Основание сравнения	Россия	Казахстан
Базовый документ	Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 гг.	Концепция семейной и гендерной политики до 2030 года
Связь равенства и семьи	Расширение возможностей женщин сочетается с демографической и семейной повесткой	Равенство и семейное благополучие объединены в одной политической рамке
Образ женской субъектности	Работница, мать, участница общественной жизни	Гражданка, мать, участница экономики, субъект модернизации
Основной риск реализации	Подмена автономии семейно-демографической ответственностью	Разрыв между модернизационной нормой и неформальными ожиданиями

Источник: составлено авторами по национальным документам⁸ и международной аналитике.

Важно отметить, что сближение государственной ценностной повестки и позиции РПЦ сопровождается сужением возможностей для части феминистских и женских НКО. В публичном пространстве конструируется преимущественно негативный образ феминизма, а отдельные политики выдвигали предложения признать феминизм экстремистской идеологией. Применение ограничительного законодательства к отдельным организациям уменьшает их возможности публичной и просветительской деятельности.

В Казахстане, где декларируется курс на модернизацию, феминистские движения в настоящее время развиваются достаточно активно. Участие НКО способствовало общественному обсуждению и принятию в 2024 г. законодательных изменений по вопросам обеспечения прав женщин и безопасности детей. Кроме того, в плане работы Сената Казахстана была предусмотрена разработка проекта модельного закона о противодействии семейно-бытовому насилию для последующего внесения в Межпарламентскую Ассамблею СНГ⁹.

Религиозные организации как акторы гендерного дискурса в России и Казахстане. Возрастание роли религиозных организаций в публичном дискурсе стало следствием религиозного возрождения конца 1980-х — начала 1990-х гг.,

⁸ Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 годы: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.12.2022 № 4356-р; Об утверждении Концепции семейной и гендерной политики в Республике Казахстан до 2030 года: Указ Президента Республики Казахстан от 06.12.2016 № 384.

⁹ Главой государства подписан закон Республики Казахстан о внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты по вопросам обеспечения прав женщин и безопасности детей // Akorda.kz. 15.04.2024. URL: <https://akorda.kz/ru/glavoy-gosudarstva-podpisan-zakon-respubliki-kazahstan-o-vnesenii-izmeneniy-i-dopolneniy-v-nekotorye-zakonodatelnye-akty-respubliki-kazahstan-po-voprosam-obespecheniya-prav-zhenshchin-i-bezopasnosti-detey-153316>; План основных мероприятий Сената Парламента Республики Казахстан: разработка и внесение в Межпарламентскую Ассамблею СНГ проекта модельного закона «О правовом регулировании противодействия семейно-бытовому насилию». URL: <https://senate.parlam.kz/ru-RU/docs/download?id=50&url=schedule%2Fworkplan> (дата обращения: 06.07.2026).

которое имело место во всех странах постсоветского пространства, хоть и в разных масштабах.

Уже с 2000-х гг. РПЦ позиционирует себя как актор семейной политики, а с 2010-х гг. российское государство продвигает модель «традиционной» семьи, близкую к церковным представлениям о браке, родительстве и деторождении. Это позволило российским исследователям констатировать сходство семейных моделей, предлагаемых государством и церковью, и проследить развитие практик сотрудничества, включая поддержку религиозно мотивированных инициатив, связанных с ценностью семьи, пронаталистской политикой и ограничением репродуктивного выбора [24]. Материнство при этом начинает рассматриваться не только как личный выбор, но и как общественно значимая функция. Религиозная аргументация, апеллирующая к нравственности, браку и деторождению, оказывается совместимой с государственной повесткой социальной стабильности, что усиливает традиционалистскую модель.

В Казахстане, как и в других странах Центральной Азии, после распада Советского Союза идеологический вакуум стал заполняться новыми проявлениями исламской религиозности [25, с. 199], что сопровождалось заимствованиями из арабо-мусульманских обществ. На исламское возрождение одновременно влияли исторически сложившиеся кочевые и тенгрианские традиции, что отразилось и на гендерных отношениях [26]. Поэтому в религиозной сфере Казахстана сосуществуют две разнонаправленные тенденции — неполная секуляризация и развивающаяся десекуляризация, отражающие многогранность и неоднородность религиозного процесса [27, с. 61].

Этот культурный конфликт проявился, в частности, в сетевой активности женщин под хэштегом *#ТыНеАрабка*. Одновременно представители религиозной общественности поддержали возможность запрета на ношение никаба. Так, верховный муфтий Казахстана Наурызбай кажы Таганулы заявил, что не возражает против запрета: «Никаб — одежда, закрывающая лицо. Шариат не предписывает ношение такой одежды. Мы подчиняемся закону»¹⁰.

Религиозные организации в России и Казахстане целесообразно рассматривать не только как институты, обеспечивающие сохранение конфессиональной традиции и религиозное образование, но и как самостоятельных участников публичного производства социальных норм — прежде всего в сфере конструирования допустимых и оптимальных моделей женского и мужского поведения. По сути, религиозные организации становятся механизмом моральной экспертизы, что особенно востребовано в обществах, где государственная политика активно обращается к категории традиции [28].

В российском случае данная логика получает выраженное институциональное оформление. Указ Президента РФ № 809¹¹ закрепляет традиционные российские духовно-нравственные ценности как предмет государственной политики, включая в их число крепкую семью, преемственность поколений, взаимопомощь, созидательный труд и приоритет духовного над материальным. В

¹⁰ Верховный муфтий Казахстана поддержал возможный запрет на ношение никабов в стране // Eurasia Today. 03.09.2024. URL: <https://eurasiatoday.ru/verhovnyj-muftij-kazahstana-podderzhal-vozmozhnyj-zapret-na-noshenie-nikabov-v-strane/> (дата обращения: 06.07.2026).

¹¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 06.07.2026).

этом контексте РПЦ получает возможность выступать не только как конфессиональная организация, но и как носитель символического ресурса, совпадающего с официальной ценностной повесткой.

Представители РПЦ и других конфессий в России неоднократно выступали в качестве основных ньюсмейкеров и спикеров при обсуждении вопросов семьи, детства, женской роли и женского предназначения. Особую активность они проявили в продвижении инициатив по ужесточению регулирования абортот и расширению программ «профилактики» прерывания беременности, таких как программы фонда «Женщины за жизнь», который активно работал с региональными общественными палатами и парламентами при принятии запретов на аборты в частных клиниках в регионах страны, а также законов о штрафах за склонение к абортот. На момент подготовки статьи подобные ограничения действовали в ряде субъектов РФ. Патриарх Кирилл неоднократно призывал распространить запрет на «склонение к абортот» на федеральный уровень как ответ на демографический кризис.

На Петербургском международном юридическом форуме в июне 2026 г. представитель РПЦ и руководитель секретариата Всемирного русского собора Василий Лосев заявил, что право женщины на аборт по желанию противоречит Конституции РФ, а основы традиционных духовных ценностей должны обязательно преподаваться будущим юристам и медикам. Председатель Патриаршей комиссии по вопросам семьи, защиты материнства и детства иерей Фёдор Лукьянов, в свою очередь, высказался против ЭКО, связывая эту практику с возможным ростом числа однополых семей, и предложил лечить бесплодие воздержанием¹².

Хотя стратегия сокращения числа абортов преимущественно запретительными мерами вызывает закономерную критику правозащитников и экспертов, радикальные взгляды традиционалистов получают широкое освещение в российских СМИ¹³.

В Казахстане ДУМК также действует в условиях светского государства, однако исламская традиция сохраняет значимое культурно-нормативное влияние, проявляясь в представлениях о семье, супружеской ответственности, воспитании, нравственности, уважении к старшим и допустимых границах женской публичности. Казахстанские учёные показывают, что модернизация не ослабляет патриархальные устои, а ведёт к так называемому «морализаторскому патриархальному компромиссу», с помощью которого иерархия легитимизируется как ответственность, забота и коллективная преемственность, а не как доминирование [29]. При этом казахстанская модель не предполагает столь же плотного сращивания религиозного и государственного дискурса, как российская, но религиозный фактор детерминирует общественные ожидания, особенно в сфере повседневной семейной морали.

В материале Informburo.kz, посвящённом соотношению религиозных установок и светских ценностей, приводится следующая характеристика положения

¹² Глущенкова Д. ИИ, иноагенты, неконституционные аборты и «деструктивная» литература: самые резонансные заявления ПМЮФ-2026 // Москвич Mag. 26.06.2026. URL: <https://www.mn.ru/smart/ii-inoagenty-nekonstitucionnye-aborty-i-destruktivnaya-literatura-samyerezonansnye-zayavleniya-pmyuf-2026> (дата обращения: 06.07.2026).

¹³ Шейкина А. Первый российский регион запретил склонять женщин к абортот // Lenta.ru. 03.08.2023. URL: <https://lenta.ru/news/2023/08/03/abort/>; В РПЦ предложили ввести в медвузах занятия о христианских ценностях // ТАСС. 28.06.2026. URL: <https://tass.ru/obschestvo/27864351> (дата обращения: 06.07.2026).

женщины в семье: «...роль женщины в исламе сводится к семейным заботам. Но это не значит, что религия ущемляет свободу женщины. У неё есть права! В том числе на труд, на образование. Другое дело, что вера обязывает её подчиняться мужчинам. Именно от них зависит, сможет ли женщина-мусульманка вести полноценную жизнь в обществе или будет заниматься сугубо семейным бытом»¹⁴. В казахстанском религиозном дискурсе также встречаются критические оценки ЭКО и суррогатного материнства.

Можно констатировать, что различие между двумя странами заключается не в наличии или отсутствии религиозного влияния, а в способах его институционального и дискурсивного оформления.

Согласно официальной позиции РПЦ по вопросам семьи и брака, семья мыслится как естественная и нравственно значимая форма человеческого существования, брак определяется как союз мужчины и женщины, деторождение и воспитание детей описываются через духовную ответственность, а материнство, при сохранении высокого символического статуса, рассматривается как обязанность, что вполне определённо отражено в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви»¹⁵. Такая риторика создаёт особый тип гендерной нормативности, где женщина признаётся значимой прежде всего внутри семьи, где её социальная роль связывается с заботой, воспитанием, материнством, терпением, нравственным влиянием и сохранением межпоколенческой преемственности. Мужчина, в свою очередь, чаще помещается в позицию ответственности, защиты, внешнего представительства и семейного руководства. Формально эти роли могут описываться как взаимодополняющие, однако их социальный эффект оказывается иерархическим, поскольку публичная субъектность женщины оказывается теснее привязанной к семейной функции, чем субъектность мужчины. На практике это часто проявляется в жёстко иерархических высказываниях представителей церкви. Так, протоирей Ткачёв заявил, что «мужчина — это человек, а женщина — его тень», подчеркнув, что женщины излишне требовательны и находятся в постоянном недовольстве, так как им «вложили в уши, что они достойны чего-то большего»¹⁶.

Современный православный дискурс о браке и семье в России следует рассматривать в более широком контексте идеологизации семейной политики, в котором религиозные категории включаются в стратегии национальной идентичности, цивилизационной устойчивости и противостояния внешним ценностным влияниям. В этом смысле нарратив РПЦ отражает процессы идеологизации и секьюритизации демографической проблематики в современной России [30]. Фактически мы можем говорить о совпадении риторики церкви и государства. В таком формате религиозная организация участвует в производстве защитного дискурса, где сохранение традиции приобретает приоритет над переосмыслением гендерных иерархий.

При этом некоторые организации, ассоциирующие себя с православным активизмом (например, движение «Сорок сороков» и организации пролайф-на-

¹⁴ Современная женщина и ислам. Ценности, традиции и перемены // Informburo.kz. 17.09.2020. URL: <https://informburo.kz/special/sovremennaya-zhenshchina-i-islam-cennosti-tradicii-i-peremeny.html> (дата обращения: 06.07.2026).

¹⁵ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Патриархия.ru. 09.06.2008. URL: <https://www.patriarchia.ru/article/105101> (дата обращения: 06.05.2026).

¹⁶ Достоевский Г. «Вечно неудовлетворенные»: Ткачев обвинил женщин в отказе быть «тенью» мужчины // RTVI. 29.06.2025. URL: <https://rtvi.com/news/vechno-neudovletvorennye-tkachev-obvinil-zhenshhin-v-otkaze-byt-tenyu-muzhchiny/> (дата обращения: 06.07.2026).

правления), используют более конфронтационную риторику и выступают инициаторами общественных и законодательных кампаний.

В казахстанском контексте Духовное управление мусульман Казахстана, представляя исламскую традицию в институционализированной форме, действует в условиях светского государства, но сохраняет влияние на повседневные представления о семье, супружестве, воспитании и нравственном поведении. В отличие от российской модели, где церковный дискурс заметно сближается с государственной идеологией традиционных ценностей, ДУМК чаще выступает как культурно-нормативный актор, предлагающий обществу моральные ориентиры, не подменяя собой государственную политику. Казахстанский религиозный дискурс не исключает модернизационную повестку, соответствующую государственному курсу, и встраивает её в традиционную семейную модель.

В официальном материале ДУМК, посвящённом семье как общей ответственности обеих сторон, семья рассматривается как ценность, требующая ответственности, взаимного уважения, нравственной выдержки и правильного распределения обязанностей между супругами. При этом акцент переносится не только на подчинение женщины, но и на ответственность обоих участников брака, что позволяет отличить официальный институциональный дискурс ДУМК от более жёстких патриархальных интерпретаций, циркулирующих в неформальном религиозном медиапространстве¹⁷. Данная риторика не является либеральной в западном смысле, так как она сохраняет представление о семье как нравственном центре общества и признаёт различие мужских и женских обязанностей. Однако она является более адаптивной по сравнению с жёстко иерархизированными моделями, поскольку допускает включение женщины в образование, труд, социальную активность и общественную коммуникацию при условии сохранения семейной ответственности и нравственной нормативности. Подчёркнём, что ДУМК связывает семейную устойчивость не только с формальным распределением ролей, но и с моральным качеством отношений. Женщина в этой модели остаётся матерью и женой, но одновременно может признаваться участницей социальной жизни, если её активность не вступает в конфликт с семейной и нравственной рамкой. Мужчина сохраняет статус ответственного субъекта семьи, однако его роль также описывается не только через власть, но и через обязанность заботы, справедливости и сдержанности. Это создаёт модель умеренного традиционализма, в которой патриархальная структура смягчается языком взаимной ответственности.

Официальный дискурс ДУМК не исчерпывает всего пространства религиозной коммуникации в Казахстане. В условиях цифровизации значительную роль начинают играть социальные сети, видеоплатформы, публичные проповедники, блогеры и религиозные авторитеты, чьи высказывания способны быстро распространяться за пределами мечети или официального религиозного учреждения. Именно в этой среде гендерные нормы получают более конфликтное и полемическое выражение, поскольку неформальные религиозные лидеры могут транслировать жёсткие патриархальные интерпретации, претендующие на статус «истинной» традиции или религиозно оправданного семейного порядка. Материалы

¹⁷ Верховный муфтий: семья — общая ответственность обеих сторон, а не только одного человека // Официальный сайт Духовного управления мусульман Казахстана. 30.05. 2025. URL: <https://www.muftyat.kz/ru/muftiler-alqasy/qmdb/2025-05-30/46611-verhovnyij-muftij-semya---obschaya-otvetstvennost-oboih-storon-a-ne-tolko-odnogo-cheloveka/> (дата обращения: 06.05.2026).

неформальных проповедников использовались как контекстуальный дополнительный массив и не отождествлялись с официальной позицией ДУМК.

Исследование А. Тасболат, посвящённое анализу высказываний Ризабек Баттаулы¹⁸ в казахстанских социальных медиа, показывает, что религиозный дискурс в цифровой среде активно участвует в определении женских гендерных ролей, а большинство высказываний не столько отражают историко-культурные представления о женщинах, сколько формируют общественные нарративы, закрепляющие мужское доминирование, женскую подчинённость и контроль над поведением женщины, что позволяет говорить о широком спектре религиозно-патриархальных практик смыслообразования.

Помимо публичного дискурса, ДУМК расширяет своё влияние через религиозно-просветительские проекты. Летом 2026 г. в мечетях Казахстана, в том числе в Алматы, были организованы бесплатные курсы религиозной грамотности для детей в рамках проекта «Имани жаз — 2026», предусматривавшие занятия по нравственному воспитанию, основам вероучения и исламскому этикету. Ранее в 26 благотворительных учреждениях Алматы, часть которых входила в ассоциацию «Жибек Жолы» и имела религиозную направленность, были выявлены нарушения прав детей на образование, воспитание и своевременную медицинскую помощь. После этого ДУМК в одностороннем порядке расторгло меморандум с ассоциацией и активизировало работу в сфере религиозного просвещения¹⁹.

Если официальные религиозные организации стремятся к умеренности и правовой согласованности с государственной политикой, то медиа-проповедники склонны к эмоциональным и конфликтным интерпретациям. Например, в проповеди Р. Баттаулы 2016 г. допускалось «лёгкое» физическое наказание жены, а мужчина трактовался как доминирующая сторона семейных отношений [23, с. 4541]. В результате женщина оказывается объектом не только государственной и официально-религиозной нормативности, но и цифрового морального контроля, где её одежда, речь, семейное поведение, сексуальность, образование и публичная активность становятся предметом обсуждения и оценки. При этом, как показывают наши казахстанские коллеги, новая религиозность может предполагать гендерную иерархию и традиционное разделение труда, в котором женщина получает подчинённую роль; с другой стороны, создаются новые ниши для женского самовыражения, включая женские религиозные занятия, исламское образование, потребность в преподавательницах и отдельные пространства женской социализации [31]. Другими словами, исламская идентичность не действует как единый и полностью закрытый механизм патриархального воспроизводства: религиозная социализация женщин в Казахстане может ограничивать одни формы автономии, но открывать другие, признаваемые внутри религиозной и культурной нормы. В Казахстане религиозный дискурс чаще работает через культурное посредничество, сочетая национальную традицию, нормы ислама и модернизационную риторику (см. табл. 2).

¹⁸ Ризабек Баттаулы – казахстанский теолог; религиозное образование получил в Казахстане и университете Аль-Азхар, публикует проповеди и лекции в социальных сетях [23].

¹⁹ Верховный муфтий принял участие в открытии летнего курса религиозной грамотности «Имани жаз — 2026» // Официальный сайт Духовного управления мусульман Казахстана. 03.06.2026. URL: <https://www.muftiyat.kz/ru/muftiler-alqasy/qmdb/2026-06-03/48501-verhovnyiy-muftij-prinyal-uchastie-v-otkryitii-letnego-kursa-religioznoj-gramotnosti-imani-zhaz---2026/>; «Нарушали права детей»: 26 благотворительных учреждений Алматы лишили лицензии // Северная газета. Новости Узбекистана и Казахстана. 28.05.2024 URL: <https://northern-newspaper.ru/narushali-prava-detej-26-blagotvoritelnyx-uchrezhdenij-almaty-lishili-licenzii/> (дата обращения: 06.07.2026).

Таблица 2

РПЦ и ДУМК как акторы гендерного дискурса

Параметр	Россия: РПЦ	Казахстан: ДУМК
Основной тип влияния	политико-идеологический	культурно-нормативный
Связь с государством	высокая интеграция в дискурс традиционных ценностей	взаимодействие при сохранении светской модели государства
Центральная тема	традиционная семья, материнство, демография	семья, нравственность, ответственность супругов, традиция
Образ женщины	мать, супруга, хранительница семьи	мать, жена, воспитательница, участница социальной жизни в допустимых рамках
Отношение к модернизации	настороженное	более адаптивное
Доминирующие темы дискурса	многодетность, устойчивые семьи, запрет аборт ов, традиционная многопоколенная семья, семейное насилие, ЭКО и суррогатное материнство	традиционная семья, браки по принуждению, многожёнство, ношение хиджаба (никаба), ответственное родительство, религиозное и светское образование, семейное насилие, ЭКО и суррогатное материнство
Основная дискурсивная стратегия	ОХРАНИТЕЛЬНАЯ защита традиционного порядка	АДАПТАЦИОННАЯ соединение исламской нормы и казахской традиции
Периферийные дискурсивные стратегии	легитимирующая нормативная демографическая	нормативная охранительная воспитательная
Гендерный эффект	закрепление нормативной семейной модели	сохранение традиционных ролей при частичной адаптации к современности

Источник: составлено авторами.

Сравнение РПЦ и ДУМК показывает, что обе религиозные организации участвуют в поддержании семейно-ориентированного гендерного порядка, однако делают это через разные институциональные механизмы и разные языки легитимации. РПЦ сильнее включена в государственную идеологическую рамку, где традиционная семья соотносится с демографией, национальной устойчивостью и защитой духовно-нравственных ценностей. ДУМК действует более гибко, связывая исламскую норму с казахской традицией, семейной нравственностью и ответственностью супругов, что позволяет ему одновременно сохранять традиционалистскую основу и адаптироваться к светской модернизационной политике. Основные дискурсивные стратегии связаны с определёнными социальными функциями (см. табл. 3).

Таблица 3

Дискурсивные стратегии религиозных организаций

Стратегия	Как проявляется	Россия	Казахстан
Нормативная	задаёт образ «правильной» семьи	традиционная семья как основа общества	семья как нравственный и культурный центр
Охранительная (защитная)	противопоставляет традиции внешним угрозам	критика либеральной гендерной повестки	критика разрушения семейных норм
Демографическая	связывает женщину с воспроизводством общества	семья, материнство и многодетность	семья, материнство и воспитание
Воспитательная	влияет на образование и социализацию	духовно-нравственное воспитание	религиозное просвещение, женский сектор
Адаптационная	смягчает конфликт традиции и модернизации	слабее выражена	выражена сильнее
Легитимирующая	обосновывает распределение семейных ролей религиозными и моральными нормами	православное учение о семье и браке	исламские нормы и казахская семейная традиция

Источник: составлено авторами.

Таким образом, РПЦ и ДУМК, обращаясь к конфессиональным традициям, действуют в разных институциональных условиях и используют схожие дискурсивные стратегии, связывая содержание гендерных ролей с семьёй, нравственностью, культурной преемственностью, ответственностью перед обществом. В этом смысле религиозный дискурс выполняет функцию смыслового закрепления тех норм, которые могут существовать и вне религии, но именно через религиозную аргументацию получают дополнительную моральную легитимность.

Главное различие между российской и казахстанской моделями заключается в степени включённости религиозного дискурса в государственную идеологию. Российская модель может быть охарактеризована как традиционалистско-институциональная, поскольку в ней религиозный язык семьи, нравственности и духовно-нравственных ценностей тесно сближается с официальной государственной повесткой. РПЦ в этой системе выступает не только конфессиональным институтом, но и значимым носителем символического капитала, позволяющего государству обосновывать семейную и демографическую политику через категории культурной преемственности, национальной устойчивости и защиты традиционного порядка.

Казахстанскую модель можно определить как гибридно-модернизационную, поскольку государство активнее использует язык гендерного равенства, институционального развития, квотирования, международных стандартов и социальной модернизации, одновременно сохраняя опору на семью, национальную традицию и религиозно-культурные представления. ДУМК и исламские авторитеты оказывают значительное влияние на общественные нормы, однако это влияние чаще проявляется не через прямое включение в государственную идеологию, а через культурно-нор-

мативное сопровождение семейных и нравственных представлений. В результате религия в Казахстане не столько подменяет модернизацию, сколько ограничивает и адаптирует её, переводя идеи равенства на язык допустимой социальной гармонии.

Существенным оказывается институциональный способ включения религии в публичную политику. В России религиозный дискурс становится частью более жёсткой государственно-ценностной конструкции, где семья и материнство встроены в нарратив национальной устойчивости. В Казахстане религиозная норма действует мягче и гибче, но сохраняет способность ограничивать глубину гендерных изменений, особенно в сфере семейных обязанностей, женской публичности и моральной оценки поведения.

Консервативная функция религии проявляется в закреплении патриархальных норм, поддержании семейно-ориентированного образа женщины, ограничении расширительных трактовок гендерного равенства и воспроизводстве представлений о различной социальной миссии мужчин и женщин. В российском случае эта функция выражена сильнее, поскольку РПЦ действует в контексте государственной политики традиционных ценностей, где семья, демография и духовно-нравственная безопасность образуют единую смысловую рамку. В казахстанском случае консервативная функция также присутствует, однако она чаще опосредована культурой, обычаями, исламской моралью и неформальными религиозными авторитетами, воздействующими на повседневные представления о браке, скромности, женской ответственности и мужском лидерстве.

Стабилизирующая и адаптационная функция религии состоит в том, что она позволяет переводить модернизационные изменения на язык, понятный обществу с устойчивой традиционалистской культурой. Религиозные организации могут снижать конфликтность между глобальными нормами равенства и локальными семейными ожиданиями, предлагая компромиссные формулы, в которых женское образование, трудовая занятость и общественная активность допускаются при сохранении семейной ответственности. Особенно заметно это в казахстанской модели, где религиозный дискурс не отменяет модернизацию, но стремится встроить её в систему нравственных и семейных ограничений.

В результате религия становится одним из механизмов общественной легитимации власти и принимаемых политических решений. Государство может принимать стратегии, программы, квоты и меры социальной поддержки, однако их восприятие обществом во многом зависит от того, насколько они совместимы с укоренёнными представлениями о семье, браке, материнстве, мужественности и женской добродетели. Именно здесь религиозные организации приобретают особую значимость: они способны либо усиливать сопротивление изменениям, либо смягчать их восприятие, превращая модернизацию из внешнего давления в процесс, согласованный с культурной традицией.

Заключение. Религиозные организации остаются значимыми акторами гендерного дискурса. Их влияние проявляется не только в сфере духовного наставничества, но и в более широком пространстве публичной политики, где нарративы традиции, нравственности и семейной устойчивости определяют содержание дискуссий о демографии, образовании и социальном участии женщин. Обращаясь к тем же смысловым узлам, что и государственная политика (семья, брак, материнство, социальная стабильность), РПЦ в России и ДУМК в Казахстане, тем не менее, опираясь на общую постсоветскую основу, выполняют эту функцию по-разному, что формирует различные модели гендерного дискурса.

Российская модель может быть охарактеризована как традиционалист-

ско-институциональная. В ней РПЦ действует в тесной связке с государственной идеологией традиционных духовно-нравственных ценностей, конструируя дискурс, где традиционные гендерные роли получают моральную легитимацию. Женщина признаётся общественно значимой, однако её публичный образ соотносится преимущественно с семейно-репродуктивной функцией, что усиливает нормативную привязку женской субъектности к семье, но ограничивает её присутствие в политическом и экономическом поле.

Казахстанская модель имеет гибридный характер, где модернизационные элементы встраиваются в традиционалистскую матрицу. ДУМК и исламские авторитеты влияют на гендерные нормы преимущественно через культурную, семейную и нравственную рамку, действуя в условиях светского государства и не подменяя собой официальную модернизационную политику. Казахстан активнее использует язык гендерного равенства, квотирования и международных стандартов, однако религиозно-культурные нормы продолжают задавать границы допустимой женской публичности, особенно в вопросах семьи, брака и моральной оценки женской автономии.

Общим для России и Казахстана остаётся то, что формальное равенство не устраняет устойчивые гендерные стереотипы. Женщины включены в образование, занятость, социальную сферу и административные практики, но их политическое представительство и доступ к верхним уровням принятия решений остаются ограниченными. Данное противоречие не может быть объяснено только правовыми или экономическими факторами, поскольку поддерживается системой социальных ожиданий, в которой женщина признаётся значимой участницей общественной жизни, но её значимость раскрывается через материнство, заботу, воспитание, семейную ответственность и нравственное влияние. Именно это позволяет рассматривать гендерную политику в обеих странах как поле противоречий, в котором модернизационные институты вынуждены взаимодействовать с устойчивыми нормами, культурными ожиданиями и воспроизводимыми социальными практиками.

Особенности функционирования религиозных организаций позволяют констатировать их двойственную роль. С одной стороны, они выступают фактором консервации, закрепляя патриархальные представления, поддерживая семейно-ориентированную модель женственности и ограничивая расширительные трактовки гендерного равенства. С другой, религиозные организации выполняют стабилизирующую и адаптационную функции, сглаживая противоречия между модернизацией и наследуемыми нормами. Конфигурация этих функций во многом определяет конфликтность дискурса и диктует необходимость более внимательного учёта религиозно-культурного фактора при разработке гендерной, семейной, социальной и демографической политики.

Библиографический список / References

1. Graff A. "Gender Ideology": Weak Concepts, Powerful Politics. *Religion and Gender*. 2016;6(2):268–272. DOI [10.18352/rg.10177](https://doi.org/10.18352/rg.10177).
2. Risman B. J. Gender as a Social Structure: Crossing Disciplinary Boundaries to Advance Science and Equality. *AG AboutGender. International Journal of Gender Studies*. 2012;1(2):1–29. DOI [10.15167/2279-5057/ag.2012.1.2.29](https://doi.org/10.15167/2279-5057/ag.2012.1.2.29).
3. Гуселетов Б. П., Великая Н. М. Трансформация партийных систем в странах Центральной Азии в контексте укрепления политических режимов // Регионология. 2025. Т. 33, № 1. С. 77–90. DOI [10.15507/2413-1407.033.202501.077-090](https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.077-090). EDN [MQEHQ](https://www.edn.ru/10.15507/2413-1407.033.202501.077-090). Guseletov B. P., Velikaya N. M. Party System Transformation in Central Asian Countries in the Context of Strengthening Political Regimes. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(1):77–90. (In Russ.). DOI [10.15507/2413-1407.033.202501.077-090](https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.077-090).

4. Spierings N., Smits J., Verloo M. On the Compatibility of Islam and Gender Equality: Effects of Modernization, State Islamization, and Democracy on Women's Labor Market Participation in 45 Muslim Countries. *Social Indicators Research*. 2009;90(3):503–522. DOI [10.1007/s11205-008-9274-z](https://doi.org/10.1007/s11205-008-9274-z). EDN [WBJKXW](#).
5. Alexander A. C., Welzel C. Islam and Patriarchy: How Robust Is Muslim Support for Patriarchal Values? *International Review of Sociology*. 2011;21(2):249–276. DOI [10.1080/03906701.2011.581801](https://doi.org/10.1080/03906701.2011.581801). EDN [OIBTWZ](#).
6. Norris P., Inglehart R. Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press; 2011. DOI [10.1017/CBO9780511894862](https://doi.org/10.1017/CBO9780511894862).
7. Ross M. L. Oil, Islam, and Women. *American Political Science Review*. 2008;102(1):107–123. DOI [10.1017/S0003055408080040](https://doi.org/10.1017/S0003055408080040).
8. Moghadam V. M. Women, Structure, and Agency in the Middle East: Introduction and Overview to Feminist Formations' Special Issue on Women in the Middle East. *Feminist Formations*. 2010;22(3):1–9. DOI [10.1353/ff.2010.0022](https://doi.org/10.1353/ff.2010.0022).
9. Силласте Г. Г. Социальные транзисии и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 3–16. DOI [10.21064/WinRS.2019.2.1](https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.2.1). EDN [QLAZIW](#).
10. Sillaste G. G. Social transitions and the formation of a new gender order. *Woman in Russian Society*. 2019;(2):3–16. (In Russ.). DOI [10.21064/WinRS.2019.2.1](https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.2.1).
11. Великая Н. М. Женщины в публичном дискурсе России, Казахстана и Узбекистана в контексте трансформации политических режимов в XXI веке (сравнительный анализ) // PolitBook. 2026. № 2. С. 60–82. DOI [10.24412/2227-1538-2026-2-60-82](https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-2-60-82). EDN [FXPEIK](#).
12. Velikaya N. M. Women in the public discourse of Russia, Kazakhstan and Uzbekistan in the context of political regime transformation in the 21st century (a comparative analysis). *PolitBook*. 2026;(2):60–82. (In Russ.). DOI [10.24412/2227-1538-2026-2-60-82](https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-2-60-82).
13. Силласте Г. Г. Страновой гендерный ландшафт как фактор формирования нового гендерного порядка, его социальные риски // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 4–13. DOI [10.21064/WinRS.2019.3.1](https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.3.1). EDN [TPOAAI](#).
14. Sillaste G. G. The country gender landscape as the factor of a new gender order formation, its social risk. *Woman in Russian Society*. 2019;(3):4–13. (In Russ.). DOI [10.21064/WinRS.2019.3.1](https://doi.org/10.21064/WinRS.2019.3.1).
15. Butler J. Performative Acts and Gender Constitution: An Essay in Phenomenology and Feminist Theory. *Theatre Journal*. 1988;40(4):519–531. DOI [10.2307/3207893](https://doi.org/10.2307/3207893).
16. Crenshaw K. Demarginalizing the Intersection of Race and Sex: A Black Feminist Critique of Antidiscrimination Doctrine, Feminist Theory and Antiracist Politics. *University of Chicago Legal Forum*. 1989;(1):139–167. DOI [10.4324/9781315582924-10](https://doi.org/10.4324/9781315582924-10).
17. Fonow M. M., Cook J. A. Feminist Methodology: New Applications in the Academy and Public Policy. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. 2005;30(4):2211–2236. DOI [10.1086/428417](https://doi.org/10.1086/428417).
18. Becker S. O., Bentzen J. S., Kok C. C. Gender and Religion: A Survey. *Journal of Demographic Economics*. Published online 2026:1–42. DOI [10.1017/dem.2025.10014](https://doi.org/10.1017/dem.2025.10014).
19. Великая Н. М., Овчарова О. Г. Гендерная риторика на фоне консервативного поворота в современной России // Интеллигенция и проблемы социокультурной модернизации современного общества : материалы XII Международной научной конференции «Байкальская встреча» (Улан-Удэ, 12–16 сентября 2018). – Улан-Удэ: Бурятский государственный университет, 2018. С. 29–34. EDN [YMISFN](#).
20. Velikaya N. M., Ovcharova O. G. Gender Rhetoric Against the Background of the Conservative Turn in Modern Russia. In: The Intelligentsia and Problems of the Socio-Cultural Modernization of Modern Society: Proceedings of the XII International Scientific Conference “Baikal Meeting” (Ulan-Ude, 12–16 September 2018). Ulan-Ude: Buryat State University Publishing House; 2018. P. 29–34. (In Russ.).
21. Гендерное равенство XXI века: глобальные вызовы и локальные ответы / Н. М. Великая, Е. Ю. Березкина, Е. А. Ирсетская [и др.]. М. : Ключ-С, 2023. 260 с. DOI [10.56700/n2320-0113-2772-v](https://doi.org/10.56700/n2320-0113-2772-v). EDN [BTPWVP](#).
22. Velikaya N. M., Berezkina E. Yu., Irsetskaya E. A. [et al.] Gender Equality in the 21st Century: Global Challenges and Local Responses. Moscow: Klyuch-S; 2023. (In Russ.). DOI [10.56700/n2320-0113-2772-v](https://doi.org/10.56700/n2320-0113-2772-v).
23. World Bank. Women, Business and the Law 2026: Benchmarking Laws for Jobs and Inclusive Growth. Washington, DC: World Bank; 2026. DOI [10.1596/978-1-4648-2196-7](https://doi.org/10.1596/978-1-4648-2196-7).
24. Global Gender Gap Report 2025. Geneva: World Economic Forum; 2025.
25. Rodionova M. E., Moreva E. L., Bratchenko S. A. [et al.] Gender Changes in Corporate Boards of Directors. *The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. 2019;(57):239–250. DOI [10.15405/epsbs.2019.03.25](https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.03.25).

21. Russkikh S. N. The Role of the Russian Orthodox Church in the State's Promotion of the "Traditional" Family as Part of Family Policy. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology.* 2022;31(1):183–202. DOI [10.17323/1811-038X-2022-31-1-183-202](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-1-183-202). EDN NOGOVW.
22. Букина А. А. Социальная и культурная интеграция на постсоветской части евразийского пространства: гендерный аспект // Право и современные государства. 2017. № 2. С. 42–54. DOI [10.14420/ru.2017.2.6](https://doi.org/10.14420/ru.2017.2.6). EDN ZUCSXV.
Bukina A. A. Social and cultural integration on the post-Soviet part of the Eurasian space: gender aspect. *Law and Modern States.* 2017;(2):42–54. (In Russ.). DOI [10.14420/ru.2017.2.6](https://doi.org/10.14420/ru.2017.2.6).
23. Tasbolat A. Discourse Analysis of Religious Authority and Gender Norms in Kazakh Social Media: Rizabek Battaulay's Patriarchal Views. *International Journal of Religion.* 2024;5(11):4540–4549. DOI [10.61707/3hrq2e56](https://doi.org/10.61707/3hrq2e56). EDN ZZKUBF.
24. Сапаргаликызы Ж., Сейдуманов С. Т. Казахстанские женщины в органах государственного управления: институциональные условия и карьерные стратегии // Женщина в российском обществе. 2021. № 3. С. 18–31. DOI [10.21064/WinRS.2021.3.2](https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.3.2). EDN ZEZOIN.
Sapargalikyzy Zh., Seidumanov S. T. Women of Kazakhstan in the state governing bodies: institutional conditions and career strategies. *Woman in Russian Society.* 2021;(3):18–31. (In Russ.). DOI [10.21064/WinRS.2021.3.2](https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.3.2).
25. Абашиш С. Нации и постколониализм в Центральной Азии двадцать лет спустя: переосмысливая категории анализа/ практики // Ab imperio. 2011. № 3. С. 193–210. DOI [10.1353/imp.2011.0036](https://doi.org/10.1353/imp.2011.0036). EDN PDFJFH.
Abashin S. Nations and postcolonialism in Central Asia, twenty years later: rethinking categories of analysis/practice. *Ab imperio.* 2011;(3):193–210. (In Russ.). DOI [10.1353/imp.2011.0036](https://doi.org/10.1353/imp.2011.0036).
26. Осмонова Д. А. Особенности противоречий и взаимодействия гендера и религии в современной Центральной Азии // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2018. № 11-1. С. 170–174. EDN YOWPJR.
Osmonova D. A. Peculiarities of contradictions and interaction of gender and religion in contemporary Central Asia. *International Journal of Applied and fundamental research.* 2018;(11-1):170–174. (In Russ.).
27. Синяков О. В. когерентность религиозной конверсии с проблематикой аспекта исламской национальной идентичности // Вестник Омского университета. 2022. Т. 27, № 1. С. 58–64. DOI [10.24147/1812-3996.2022.27\(1\).58-64](https://doi.org/10.24147/1812-3996.2022.27(1).58-64). EDN REWVDA.
Sinyakov O. V. Coherence of religious conversion with the problems of the aspect of Islamic national identity. *Herald of Omsk University.* 2022;27(1):58–64. (In Russ.). DOI [10.24147/1812-3996.2022.27\(1\).58-64](https://doi.org/10.24147/1812-3996.2022.27(1).58-64).
28. Cookson T. P., Fuentes L., Kuss M. K. [et al.] Social Norms, Gender and Development: A Review of Research and Practice. New York: UN Women; 2023. (Discussion Paper; No. 42).
29. Zabirowa A. Moralized Patriarchy in Kazakhstan. *Journal of International Women's Studies.* 2026;28(3):4. Available at: <https://vc.bridgew.edu/jiws/vol28/iss3/4> (accessed: 17.07.2026).
30. Skladanowski M., Szabaciuk A., Lukasik-Turecka A. [et al.] Marriage and Family in Putin's Russia: State Ideology and the Discourse of the Russian Orthodox Church. *Religions.* 2023;14(10):1332. DOI [10.3390/rel14101332](https://doi.org/10.3390/rel14101332). EDN MPRMUQ.
31. Sultangaliyeva A. K. Woman and Religion in Post-Soviet Kazakhstan: A View from Within: conference abstract. Available at: https://static.uni-graz.at/fileadmin/rewi-zentren/Reees/CAS_Abstract_Sultangaliyeva_3rd_draft.pdf (accessed: 03.07.2026).

Поступила: 02.08.2026. Доработана: 09.09.2026. Принята: 12.09.2026.

Сведения об авторах:

Великая Наталия Михайловна, доктор политических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия. natalivelikaya@gmail.com
Author ID РИНЦ: 286986; ORCID: 0000-0001-5532-844X

Родионова Марина Евгеньевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, исполнительный директор Эндаумент-фонда, Финансовый университет при Правительстве РФ. Москва, Россия. m.rodionova@mail.ru
Author ID РИНЦ: 726367; ORCID: 0000-0001-8663-313X

N. M. Velikaya¹, M. E. Rodionova²

¹ Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS

² Financial University under the Government of the Russian Federation
Both — Moscow, Russia

RELIGIOUS ORGANIZATIONS AS ACTORS IN GENDER DISCOURSE: A COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIA AND KAZAKHSTAN (THE CASES OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AND THE SPIRITUAL ADMINISTRATION OF MUSLIMS OF KAZAKHSTAN)

Abstract. The article presents a comparative analysis of the role of the Russian Orthodox Church (ROC) and the Spiritual Administration of Muslims of Kazakhstan (SAMK) in shaping and transforming gender discourse in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. The study focuses on how religious institutions participate in the production, consolidation, and legitimization of ideas about family, marriage, motherhood, male responsibility, and women's social roles. The research problem concerns the discrepancy between the formal recognition of equality, women's substantial participation in education and employment, and the persistent reproduction of family-oriented normative roles. The principal research method is critical discourse analysis of public statements by religious figures, official documents, and their media representations published between 2016 and 2026. The material was coded according to the frames of family, motherhood, male and female social roles, reproductive rights, and traditional values. The findings show that in Russia the Russian Orthodox Church operates under conditions of state support for the ideology of traditional spiritual and moral values. In Kazakhstan, the Spiritual Administration of Muslims of Kazakhstan and Islamic authorities influence gender norms primarily by appealing to cultural, family, and national traditions. The article concludes that religious organizations perform a dual function: on the one hand, they support traditionalist views and limit the expansion of the gender agenda; on the other hand, they serve as mechanisms of social stabilization and adaptation to modernization-driven change.

Keywords: gender discourse; religious organizations; gender order; Russia; Kazakhstan; Russian Orthodox Church; Spiritual Administration of Muslims of Kazakhstan; traditional values

For citation: Velikaya N. M., Rodionova M. E. Religious Organizations as Actors in Gender Discourse: A Comparative Analysis of Russia and Kazakhstan (The Cases of the Russian Orthodox Church and the Spiritual Administration of Muslims of Kazakhstan). *Science. Culture. Society*. 2026;32(3):41–60. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.3.3>

Received: 02.08.2026. Corrected: 09.09.2026. Accepted: 12.09.2026.

Author information:

Nataliya M. Velikaya, Doctor of Political Sciences, Professor, Deputy Director of Science and Research, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

natalivelikaya@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5532-844X

Marina E. Rodionova, Candidate of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Political Science Department, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Executive Director of the Endowment Fund, Financial University under the Government of the Russian Federation. Moscow, Russia. m.rodionova@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8663-313X